

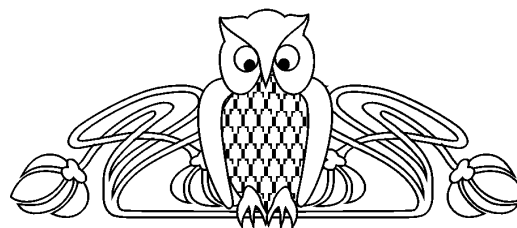

УДК 930.85=02(05)(47–15)–052

СТАРШИЕ СЫНОВЬЯ АЛЕКСАНДРА II И М. Н. МУРАВЬЕВ

Ф. И. Мелентьев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: fim91@mail.ru

Статья посвящена восприятию великими князьями Николаем Александровичем и Александром Александровичем личности и деятельности М. Н. Муравьева. На примере формирования отношения великих князей к виленскому генерал-губернатору показывается решающее влияние публицистики и общественного мнения на процесс складывания представлений наследников престола о России в эпоху Великих реформ.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, наследник престола, цесаревич, польский вопрос.

The Elder Sons of Alexander II and M. N. Muravyov

F. I. Melentev

The article is devoted to the perception of M. N. Muravyov's personality and activity by the Grand Dukes Nicholas and Alexander. On the example of the formation of the Grand Dukes' attitude towards the Vilensky Governor-General the crucial importance of journalism and public opinion on the process of the formation of the crown princes' views on Russia during the era of Great Reforms is shown.

Key words: Michael Muravyov, crown prince, tsesarevich, Polish question.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-301-307

Современники, потомки и историки много писали о Михаиле Николаевиче Муравьеве и при этом нередко обращали внимание на его взаимоотношения с членами императорской фамилии. Прежде всего исследователей интересовали сложные отношения Муравьева с Александром II и конфликт с царским братом – наместником в Царстве Польском вел. кн. Константином Николаевичем¹. Однако историки практически не затрагивали вопрос о восприятии личности и деятельности Муравьева старшими сыновьями Александра II: наследником цесаревичем Николаем Александровичем и вел. кн. Александром Александровичем, который стал наследником престола после смерти старшего брата в 1865 г.²

Между тем изучение отношения царских сыновей к Муравьеву позволит понять, как наследники престола смотрели на польский вопрос, и определить, какое влияние на них оказывало ближайшим окружением и общественным мнением. Излишне упоминать, что в условиях самодержавной монархии формирование взглядов молодых великих князей было предметом особой важности.

В 1860-е гг. внимание вел. кн. Николая Александровича и Александра Александровича было в определенной мере обращено на события, про-

исходившие на западных окраинах Российской империи. В январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло восстание, перекинувшееся и на Северо-Западный край. Сложившаяся обстановка еще более обострилась после дипломатического демарша Англии, Франции и Австрии, который фактически означал угрозу новой европейской войны. В разгар этих событий и состоялось назначение М. Н. Муравьева виленским, гродненским, ковенским и минским генерал-губернатором и главным начальником Витебской и Могилевской губерний. Впоследствии он вспоминал, что его сторонниками в Петербурге стали русские патриоты, а противниками – космополитично настроенные бюрократы. Так или иначе, но старшим сыновьям Александра II следовало определиться с отношением к Муравьеву.

Вел. кн. Николай Александрович и Александр Александрович жили в особом мире, отделенном от России плотными рамами дворцовых окон. При этом наследник и его брат понимали, что до них доходят далеко не все сведения о происходящем в стране. Стремясь ближе познакомиться с Россией, великие князья старались использовать для этого каждую возможность и, в частности, путешествия по стране. Одно из таких путешествий состоялось в 1863 г., когда Российская империя переживала общественный подъем, вызванный польским восстанием. Свидетелем этому стал цесаревич Николай Александрович, чьи встречи с народом окрашивались в патриотические тона.

В то же время М. Н. Катков, редактор ежедневной политической газеты «Московские ведомости», способствовал формированию общественного мнения, которое поддерживало бескомпромиссное подавление польского восстания. В. А. Твардовская, изучившая влияние изданий Каткова на пореформенную идеологию, не исключает, что попечитель наследника гр. С. Г. Строганов, а также преподаватели цесаревича И. К. Бабст и К. П. Победоносцев, которые были близки к Каткову и его газете, могли инспирировать первые отклики дворян на публикации «Московских ведомостей», посетив вместе с воспитанником Симбирск и Саратов³.

Это предположение подкрепляется исследовательницей ссылкой на «Письма о путешествии государя наследника цесаревича» (написанные Бабстом и Победоносцевым и появившиеся на страницах «Московских ведомостей», а впослед-

ствии выпущенные отдельным изданием), в которых рассказывалось о том, что 12 июля 1863 г. по приезде в Симбирск цесаревич и члены его свиты оказались в дворянском клубе, где были зачитаны телеграммы Каткова и Муравьева. «Это были две ответные депеши, – говорилось в “Письмах о путешествии”, – одна от генерала Муравьева на приветствие и выражение сочувствия его действиям со стороны симбирского дворянства; другая от редактора “Московских ведомостей” в ответ на депешу симбирского дворянства, в которой оно заявляло ему благодарность за выражение в газете тех чувств, которыми в настоящее время преисполнено все русское дворянство»⁴.

Этот текст действительно свидетельствует о симпатиях спутников цесаревича по отношению к национально-патриотическому подъему, однако хотя путешествие наследника престола и будоражило общественную жизнь провинции, едва ли именно Строганов, Бабст и Победоносцев «подказали» симбирскому дворянству направить телеграммы Каткову и Муравьеву. Так, еще 8 июля от московского Английского клуба в Вильну была послана телеграмма с выражением одобрения действий Муравьева⁵. Кроме того, Победоносцев писал своей будущей жене Е. А. Энгельгардт, что ему и его спутникам довелось быть «свидетелями самых горячих и трогательных заявлений», а в письме к матери сожалел, что не поехал в симбирское дворянское собрание, ибо не предполагал, что будет «очень интересно», а «все это проспал» – странное поведение для одного из «инициаторов» дворянской активности⁶.

Как бы то ни было, цесаревич Николай Александрович тоже симпатизировал общественному подъему. «Здесьнее дворянство, – писал он отцу из Симбирска 14 июля, – забыв прежние неудовольствия, искренно и единодушно стало во главе нынешнего патриотического движения»⁷. Одобряя это «патриотическое движение», цесаревич радовался тому, что дворянство перешло от фрондирования в отношении самодержавия, отменившего крепостное право, к поддержке политики Александра II, причем это казалось наследнику проявлением истинного патриотизма.

Однако если в Симбирской губернии дворянство, по наблюдению цесаревича и его спутников, было ведущей общественной силой и являло свое единодушие по отношению к польским событиям, то в Саратове поведение дворян на торжественном обеде оказалось более сложным. С одной стороны, как писал состоявший при наследнике полковник О. Б. Рихтер Александру II, «тосты за здоровье вашего величества, государыни императрицы и наследника цесаревича были приняты с восторгом»⁸. С другой стороны, И. К. Бабст писал в дневнике, что «после отъезда наследника» «одна часть пьет за здоровье Муравьева, другая шикает. То же за здоровье министра внутр [енних] дел Горчакова». С чем было связано шиканье по адресу Муравьева и министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова,

который летом 1863 г. отражал дипломатический натиск европейских держав, Бабст не пояснил, однако при виде таких разногласий ему и его спутникам «пришлось скорее убраться»⁹.

Судя по всему, цесаревич Николай Александрович не только не слышал этого шиканья, но даже не узнал о нем. В условиях внешнеполитического кризиса, грозившего новой европейской войной, наследник в письмах к императрице Марии Александровне размышлял «о настроении общественного мнения в России и особенно о том чувстве, которое пробудилось в нашем народе при известии об опасностях, грозящих нам со всех сторон». Это чувство проявлялось в горячих встречах, которые оказывались путешествовавшему по стране цесаревичу, что убеждало его в искренней народной поддержке самодержавия. «Отрадно слышать и видеть, – писал цесаревич матери из Саратова 21 июля, – как наша последняя политика соответствует настоящим потребностям и желаниям страны. В этом отношении ряд последних статей “Моск [овских] ведомостей” составляет верный отголосок здравого общественного мнения. Мы читаем их с большим любопытством»¹⁰. Тем самым наследник тонко показывал, что солидаризируется с сомнениями, которые испытывал Александр II по поводу политического курса в Царстве Польском. Между тем статьи Каткова (соседствовавшие с публикациями о путешествии самого наследника), как видно, не только формировали представления цесаревича Николая Александровича о потребностях России, но и во многом подтверждали собственные наблюдения великого князя, в частности, о характере патриотического движения в стране.

Общественная поддержка убеждала власть в том, что ей нечего бояться войны, а в то же время, по свидетельству кн. В. П. Мещерского, входившего в ближайшее окружение старших сыновей Александра II, действия Муравьева в определенной мере способствовали уменьшению напряженности в международных отношениях. «Шансы войны, – писал Мещерский Николаю Александровичу, – значительно ослаблены, по уверению дипломатов, Муравьев успокоил вполне свой край». В качестве подтверждения своих слов Мещерский передавал подробности встречи Муравьева со всеми сословиями Северо-Западного края. «Вот оратор энергический – коего красноречие – сила и энергия», – резюмировал князь свои впечатления от выступления Муравьева¹¹.

Императрица Мария Александровна тоже одобряла действия виленского генерал-губернатора. «Муравьев, – писала императрица старшему сыну 28 июля, – вчера телеграфировал, что он получил адрес дворянства с 250 подписями», в котором говорилось об «их верности и желании навсегда оставаться едиными с Россией». Символично, что этот адрес был подан 27 июля – в день рождения Марии Александровны. Трудно сказать, доверяла ли императрица искренности заявлений

польского дворянства, но она явно восхищалась порядком, который Муравьев быстро установил во вверенном ему крае. По словам Марии Александровны, 22 июля (в день ее именин) «в Вильне блестящим образом отмечался праздник, начиная с парада Преображенских и заканчивая блестящей иллюминацией»¹². Проведение праздника, посвященного супруге русского императора, должно было свидетельствовать перед лицом России и всей Европы об умиротворении Северо-Западного края.

Неудивительно, что такой подарок на именины растрогал императрицу, ведь еще в мае она говорила отъезжающему в Вильну Муравьеву: «Если бы мы могли удержать за собою Литву». Сам Муравьев вспоминал, что при его назначении «о Царстве Польском не было уже и речи, – вот в каком расположении были тогда сами царственные лица»¹³. Поэтому «удержание» Северо-Западного края и скорое водворение в нем порядка должно было внушать Марии Александровне оптимизм. Кроме того, вполне возможно, что Муравьев видел в императрице свою покровительницу в «верхах». Не остался в долгу у Муравьева и Александр II, уже на свои именины 30 августа пожаловавший ему орден Андрея Первозванного – высшую награду Российской империи. Однако Муравьев, узнавший, что этим орденом был награжден и генерал-губернатор Юго-Западного края Н. Н. Анненков, увидел в этом желание ослабить значение данной ему награды.

Вместе с тем император в письмах к старшему сыну неоднократно подчеркивал роль Муравьева, противопоставляя мятежную Варшаву и умиротворяющуюся Вильну. «Вести из Царства Польского никакой существенной перемены к лучшему в себе не заключают, – писал Александр II, например, 3 июля. – В Литве, напротив, благодаря энергическим мерам Муравьева порядок начинает мало-помалу водворяться»¹⁴. Тем не менее впоследствии император категорически отказался назначить Муравьева генерал-адъютантом¹⁵.

Следует отметить, что энергичные действия Муравьева должны были приветствоваться цесаревичем Николаем Александровичем еще и потому, что в марте 1863 г. в частной переписке с послом в Бельгии кн. Н. А. Орловым наследник выдвигал «программу» обрусения западных окраин Российской империи, в которой на первом месте стояли действия в Северо-Западном крае. В ответном письме к цесаревичу 26 марта Орлов кратко резюмировал эту программу: «Вводить и распространять русский элемент в Литве, усилить его в Украине, держать твердою рукою Царство Польское и благодетельствовать поляков истинно полезными реформами»¹⁶. При этом требование «твердой руки» в отношении Польши означало, что уже весной 1863 г. цесаревич не поддерживал мягкую «примирительную политику», которую по поручению Александра II проводил польский наместник вел. кн. Константин Николаевич¹⁷. Эта

политика нещадно критиковалась в «Московских ведомостях», что бросало тень на наместника. В этих условиях вставал вопрос о том, на чьей стороне окажутся политические симпатии наследника престола, который воспринимался как будущий самодержец.

В целом в начале 1860-х гг. отношения цесаревича Николая Александровича с его дядей были вполне доброжелательными¹⁸. Получив известие о покушении на Константина Николаевича, только приехавшего в Варшаву с женой вел. кн. Александрой Иосифовной в 1862 г., наследник написал дяде трогательное письмо. «Мысль, что Вы одни, без родных, без друзей во враждебной стране, где нашелся человек, поднявший на Тебя руку, так тяжела, что я дорого бы дал, чтобы быть с Вами теперь», – признавался Николай Александрович. Царство Польское, к которому наследник и так не питал особых симпатий, после покушения на родного ему человека представлялось Николаю Александровичу уже не провинцией Российской империи, а «враждебной страной». При этом наследник надеялся, что их взаимные отношения с дядей «не только не ослабнут от разлуки, но еще более окрепнут. По крайней мере, – заявлял Николай Александрович, – за себя я отвечаю. Во мне вы всегда найдете верного друга не на одних словах, а на деле»¹⁹. В 1862 г. трудно было представить, что это обещание окажется нелегко сдержан.

Между тем к августу 1863 г. стала очевидной невозможность не только продолжения «примирительной политики» в Польше, но и пребывания там вел. кн. Константина Николаевича. Он был вызван в столицу на совещание с императором, причем когда наместник проезжал Вильну, Муравьев его не встретил, что привело великого князя в бешенство. В Петербурге же одним из тех, кто встречал Константина Николаевича, был Александр Александрович. 14 августа он бесстрастно фиксировал в памятной книжке: «Поехали навстречу к Д [яде] Косте, который приехал из Варшавы»²⁰. Однако слухи и толки по поводу возвращения дяди были далеко не успокоительными, и Александр Александрович решил поделиться ими со старшим братом.

«Третьего дня, – писал он 16 августа Николаю Александровичу из Царского Села, – приехал Д[ядя] Костя из Варшавы, он не в очень приятном положении. Здесь все говорят, что ему надо вернуться из Варшавы, и что он не может больше оставаться на этом месте». У Александра Александровича еще не сложилось собственное мнение по этому поводу, но, вероятно, при дворе не только судачили о желательности смены наместника, но и сравнивали Константина Николаевича с его антагонистом Муравьевым. Это сравнение было явно невыгодным, потому что, как писал далее Александр Александрович, «несколько дней тому назад к Муравьеву пришла депутация из 20 человек от 2000 крестьян Царства Польского просить его покровительства, потому что их начальство

их не защищает». Такие просьбы означали беспомощность варшавского наместника и высокий авторитет виленского генерал-губернатора. Однако Александр Александрович не делал никаких выводов, а лишь пересказывал услышанные им толки, еще раз повторяя фразу о затруднительности положения Константина Николаевича: «Не знаем, чем кончатся эти истории. Дяди Кости положение очень неприятное»²¹.

В итоге Константин Николаевич покинул Петербург и через некоторое время отправился в Крым, куда держал путь цесаревич Николай Александрович и собирался приехать Александр II. При этом ближайший сотрудник Константина Николаевича А. В. Головин в письмах к своему патрону призывал его сблизиться с наследником, чтобы восстановить влияние на императора²². Однако у Константина Николаевича, по-видимому, не было ни сил, ни особого желания пытаться воспользоваться влиянием на племянника – ведь, помимо всего прочего, бывший варшавский наместник был уверен, что Николай Александрович на его стороне. Но так ли это было на самом деле?

С одной стороны, цесаревич испытывал родственные чувства к Константину Николаевичу, но, с другой – общественные настроения не располагали наследника к его поддержке. Так, присоединившийся 22 июня к свите наследника вместе с К. П. Победоносцевым И. К. Бабст писал в дневнике, что за чаем велся разговор, «конечно, о Польше», причем зашла речь «о подчинении Муравьеву Августовской губ [ернии]»²³. Эта губерния принадлежала Царству Польскому, а по воспоминаниям Муравьева, со стороны варшавского наместника «безначалие и поблажка польскому восстанию доходили до того, что несколько властей (в подлиннике «волостей». – Ф. М.) Августовской губернии прислали мне 6 августа, с депутациею, за подписью нескольких тысяч лиц, просьбу принять их в мое управление и оградить от неистовства мятежников»²⁴. Об этой депутации упоминал в своем письме к старшему брату Александр Александрович, хотя и не сообщал о ее последствиях, заключавшихся в действительно состоявшейся передаче Муравьеву управления Августовской губернией. Очевидно, слухи о возможности этой передачи появились еще до «Муравьевской депутации», поэтому И. К. Бабст предположил в беседе с цесаревичем вероятное расширение власти Муравьева и на другие губернии. «Я сказал, – писал Бабст, – что затем, возможно, пришлось бы скоро передать ему (Муравьеву. – Ф. М.) Плоцкую губ [ернию]». В ответ на это наследник сказал: «Тогда велик [ому] князь [ю Константину Николаевичу] лучше всего бы уж отправиться в Галицию»²⁵.

Как следует из этих слов, по мнению Николая Александровича, его дяде в пору было уезжать за границу и становиться наместником польских земель в сопредельном государстве, поскольку Галиция в это время являлась австрийской про-

винцией и фактически стала базой для польских повстанческих отрядов²⁶. Таким образом, хотя наследник и не доверил бумаге свои размышления о Константине Николаевиче (возможно, потому, что его письма к брату были предназначены для чтения не только Александром Александровичем), однако в разговорах с ближайшим окружением цесаревич проявлял понимание ненормальности положения польского наместника²⁷.

Уже в сентябре наследник престола, находясь в Ливадии (по соседству с которой, в Ореанде, жил Константин Николаевич), поделился с И. К. Бабстом некоторыми подробностями своих взаимоотношений с дядей. С одной стороны, Николай Александрович должен был наносить родственные визиты, с другой – он не был сторонником Константина Николаевича. «Мне так как-то неловко, – признавался цесаревич Бабсту, – но я положил там не говорить о делах, потому что не разделяю мнений его (Константина Николаевича. – Ф. М.). Мы уговорились об этом не говорить, а я еду туда как к родственнику»²⁸. Тактичному наследнику все же удалось сохранить свои родственные чувства к дяде, но доверие к нему как к государственному деятелю у цесаревича пошатнулось.

Между тем Муравьев, пользовавшийся уважением наследника престола, при случае ссылаясь на его мнение. Так, генерал-губернатор Северо-Западного края напоминал о рескрипте цесаревича Николая Александровича на имя попечителя Виленского музея древностей. Этот музей, как писал Муравьев попечителю Виленского учебного округа И. П. Корнилову 27 февраля 1865 г., должен был «содействовать к вящему скреплению уз, соединяющих Литовские губернии с Россиею», «согласно выражению высочайшего рескрипта государя наследника цесаревича на имя попечителя музея»²⁹. Таким образом, в официальных документах цесаревич Николай Александрович поддерживал идею о том, что Северо-Западный край был исконно русской землей; появление же рескрипта наследника по поводу Виленского музея, по-видимому, было связано с предложением ему самому стать попечителем этого музея в 1856 г.³⁰ Ссылаясь на рескрипт Николая Александровича, данный еще до восстания, Муравьев поручал уделять как можно больше внимания экспонатам, подтверждающим мысль о принадлежности истории Литовских губерний к истории России.

Сохранились свидетельства и о личной встрече цесаревича с Муравьевым. В июне 1864 г. Николай Александрович отправился в заграничное путешествие, чтобы посетить европейские страны, побывать на лечебных курортах и выбрать себе невесту. Путь наследника пролегал через Северо-Западный край. «Везде нас встречали военные начальники, – писал цесаревич брату Александру Александровичу, – на станциях выходили караулы, по обоим сторонам чугунки посылали разъезды.

В Вильне встретил Муравьев»³¹. Кажущаяся скупость упоминания о виленском генерал-губернаторе не должна вводить в заблуждение. Во-первых, лапидарность этого упоминания вполне вписывается в тот «телеграфный» стиль ведения дневников и переписки членами царской семьи, который проявился в памятной книжке Александра Александровича и в строках его письма о трудном положении «дяди Кости» в 1863 г., а во-вторых, Николай Александрович вполне мог ощущать некоторое удовлетворение от того, что, в отличие от Константина Николаевича, Муравьев, как и положено, встретил его на перроне.

Встреча с наследником заставила Муравьева, который принимал крутые меры по отношению к польскому населению Северо-Западного края, опасаться, как бы Александр II не смягчил их в связи с предполагаемой женитьбой цесаревича Николая Александровича. 7 июля 1864 г. император посетил Вильну, и Муравьев представил ему личный доклад, во время которого особо отметил недопустимость «помилований и снисхождений, о которых, как было слышно, – вспоминал Муравьев, – делались некоторые предположения по случаю приближавшейся свадьбы наследника с датскою принцессой Дагмарой»³². Впрочем, предполагавшаяся по этому поводу амнистия не состоялась, а 12 апреля 1865 г. цесаревич Николай Александрович скончался от цереброспинального менингита.

Спустя пять дней после кончины старшего сына Александр II подписал рескрипт об увольнении Муравьева и о возведении его в графское достоинство³³. Хотя его увольнение на фоне общественной утраты прошло почти незаметно, однако смерть наследника престола связывалась в народе и обществе с «польским вопросом» – ходили слухи, что цесаревича отравил вел. кн. Константин Николаевич; предполагалось, что смерть наследника заставит императора смягчить свое отношение к полякам. Однако Александр II призвал польских депутатов, прибывших в Петербург на похороны цесаревича, чтобы они сказали своим соплеменникам оставить мечтания о самостоятельности Польши³⁴.

Отставка Муравьева не сопровождалась сменной курса в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Новый генерал-губернатор К. П. Кауфман продолжил и развил меры своего предшественника. Однако с 1866 г. нарастание «консервативно-охранительных» тенденций привело к изменению политики в Северо-Западном крае, которую стали проводить сначала гр. Э. Т. Баранов, а с 1868 г. – А. Л. Потапов. Об этой политике информировал нового наследника престола вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерский. В своих многочисленных и обширных письмах к цесаревичу князь выступал сторонником русификации Северо-Западного края и поначалу питал надежды в отношении А. Л. Потапова. «Все назначения Потапова великолепны, в особенности Батюшкова

и Шестакова, – писал Мещерский о попечителе Виленского учебного округа и виленском губернаторе 1 апреля 1868 г., – все это предвещает светлую эру на нашем бедном родном Западе! Дай Бог, чтобы враги России, в России живущие и мнимо ей преданные, под знаменем “Вести” не сломали бы шею Потапову, как сломали ее Муравьеву и Кауфману»³⁵.

Упомянутую в письме газету «Весть» и ее общественно-политическую позицию Мещерский считал «космополитичной» и не отвечавшей «национальным» интересам. Тем не менее вскоре Мещерский сообщал цесаревичу, что «Потапов клонится к партии “Вести”». «Он, – прогнозировал Мещерский поведение Потапова, – станет влиять между польскими и русскими патриотами, и роковой период бесхарактерности и бессистемности водворится во всей своей силе; а так как при такой системе интриги поляков всегда сильнее попыток русских к водворению себя в крае, Вы увидите, что не пройдет 2 лет, и понадобится новый Муравьев»³⁶.

Таким образом, хотя в письмах Мещерского к наследнику не содержалось цельного портрета Муравьева, однако в посвященных ему фрагментах бывший генерал-губернатор Северо-Западного края предстал как истинный патриот, побеждавший крамолу, но проигрывавший в борьбе со столичной бюрократией. Характерно, что, узнав о состоявшемся в 1869 г. увольнении И. А. Шестакова и П. Н. Батюшкова, Александр Александрович восклицал в дневнике: «Вот и служи после этого верой и правдой русскому делу и государю, когда тебя всякий мерзавец может очернить и выгнать как собаку!»³⁷.

Современники отмечали, что наследнику импонировала бескомпромиссность действий Муравьева. «Определенный характер администрации М. Н. Муравьева был ему ясен, – вспоминал о цесаревиче Александре Александровиче его адъютант гр. С. Д. Шереметев, – и он признавал вполне его великую, незабвенную заслугу перед Россией». По словам Шереметева (внучатого племянника Муравьева), Александр Александрович сочувствовал бывшему виленскому генерал-губернатору и высоко ценил его мнение, несмотря на то что «сочувствовать Муравьеву при Александре II было не всегда удобно»³⁸.

Назначение Муравьева председателем Верховной комиссии по делу о покушении на императора в 1866 г. имело большое значение для его восприятия наследником. По этому поводу Шереметев вспоминал, что «на закате дней своих, уже в старости и по окончании своего политического поприща в Литве, суждено было М. Н. Муравьеву стать лицом к лицу к цесаревичу Александру Александровичу». При этом Шереметев отмечал, что цесаревич благоволил Муравьеву, «не раз беседовал с ним и, следуя гостеприимному своему русскому обычаю, угощал его обедом; он не забывал при этом и привычек Муравьева, всегда

и неизменно курившего трубку. Цесаревич не преминул угостить его после обеда трубкою и к тому же с любимым им Жуковым табаком»³⁹.

На формирование отношения цесаревича Александра Александровича к Муравьеву повлияло и знакомство с его воспоминаниями через десять лет после его смерти. 3 февраля 1876 г. наследник «остался дома читать очень интересные записки М. Н. Муравьева за время его управления в Северо-Западном крае в время польского мятежа. Замечательный умный и энергичный человек, – делал Александр Александрович в дневнике вывод из прочитанного, – и как он сразу повел дело, просто чудо!»⁴⁰. Судя по всему, цесаревич познакомился с мемуарами Муравьева по одной из рукописных копий, поскольку его записки были опубликованы только в 1880-е гг. в журнале «Русская старина», причем со значительными купюрами.

Неудивительно, что уже став императором, Александр III говорил, «что был только один человек, который умел держать в руках поляков, – М. Н. Муравьев»⁴¹. Мнение императора не было отвлеченным воспоминанием о прошлом, а являлось своеобразным руководством к действию – ведь эти слова были сказаны при назначении И. В. Гурко варшавским генерал-губернатором. При этом, как отмечает С. В. Ананьев, «“муравьевская” модель русификации национальных окраин была взята за основу в годы правления Александра III, а Северо-Западный край еще долго ощущал последствия политики М. Н. Муравьева»⁴².

Во второй половине XIX в. Михаил Николаевич Муравьев стал своеобразным символом, в котором одни видели пример жертвенной любви к России и готовность отстаивать ее целостность, а другие усматривали образчик властного произвола на имперских окраинах. Жесткая «система» Муравьева, введенная им в Северо-Западном крае, противопоставлялась гибкой «примирительной политике», которую проводил в Польше вел. кн. Константин Николаевич. В этих условиях старшие сыновья Александра II должны были определить свое отношение к Муравьеву. Нельзя сказать, что его образ сильно занимал молодых великих князей, однако пресса, общественное мнение и суждения ближайшего окружения во многом способствовали формированию положительного отношения старших сыновей императора к Муравьеву. Великие князья были убеждены, что Муравьева поддерживает вся Россия, и поэтому были уверены в его правоте.

Примечательно, что если сыновья Николая I смотрели на мир глазами отца, то уже великие князья Николай Александрович и Александр Александрович воспринимали происходящие в стране события в основном через призму газет и писем конфиденентов. А поскольку великим князьям не хватало близкого знакомства с положением дел, это делало их «заложниками» газет и общественного мнения, которое формировалось теми же газетами.

Таким образом, формирование отношения старших сыновей Александра II к М. Н. Муравьеву стало одним из этапов их сближения с точкой зрения московских публицистов и дистанцирования от «космополитичной» бюрократии. Последствия этого процесса ярко скажутся в период восточного кризиса в конце 1870-х гг. и в начале правления Александра III, когда «патриотизм» тех или иных деятелей и «сочувствие» им России станут важными факторами, влияющими на восприятие происходящего в стране и на принятие решений государственной важности.

Примечания

- 1 См. библиографию исследований и исторических источников о М. Н. Муравьеве : Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX – начало XX в.) : указатель трудов, литературы о жизни и деятельности / сост. Т. К. Мищенко, В. А. Писарева, В. И. Мордвинова и др. ; науч. ред. А. А. Либерман : в 2 ч. М., 2013. Ч. 2, кн. 2. С. 374–403.
- 2 Одним из редких исключений в этом отношении является статья В. Г. Чернухи, писавшей, что для цесаревича Александра Александровича Муравьев «был лучшим авторитетом». См.: Чернуха В. Г. Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 51.
- 3 См.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 58–59. Подробнее о посещении наследником Саратова см.: Жукова И. Цесаревич Николай Александрович в Саратове // Степные просторы. 1993. № 1. С. 42–43.
- 4 Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 246–247.
- 5 См.: Турцевич А. Краткий очерк жизни и деятельности графа М. Н. Муравьева // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедева ; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 134.
- 6 См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 53. Л. 36 ; Из переписки К. П. Победоносцева. Письма к матери // Русская мысль. 1916. Кн. 4. С. 99 (2-я пагинация).
- 7 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 60 об.
- 8 ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 50. О донесениях Рихтера императору подробнее см.: Мелентьев Ф. И. О. Б. Рихтер – летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу : сб. статей / отв. ред. М. В. Лескинэн, О. В. Хаванова. М. ; СПб., 2016. С. 192–203.
- 9 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 об. Хотя в этом дневнике описывается путешествие Бабста в свите цесаревича Николая Александровича в 1863 г., он надписан как дневник о путешествии Бабста с цесаревичем Александром Александровичем в 1866 г.

- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 74 об.–75.
- ¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 1. Л. 5–6.
- ¹² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 79. В подлиннике по-французски.
- ¹³ «Готов собою жертвовать...» Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / сост., вступ. стат., коммент. К. В. Петрова. М., 2008. С. 84.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.
- ¹⁵ См.: *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря / предисл. Л. Г. Захаровой : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 482.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 29. Л. 13. При этом сам Орлов выступал за отделение Польши от Российской империи (Там же. Л. 13–20 об.). О его письмах к цесаревичу Николаю Александровичу подробнее см.: *Нифонтов А. С.* Письма Н. А. Орлова о России в 1859–1865 годах // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 136–148.
- ¹⁷ Об этой политике подробнее см.: *Воронин В. Е.* Польское восстание 1863 года : опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.
- ¹⁸ См.: *Воронин В.* Несостоявшийся тандем : цесаревич и великий князь Константин Николаевич // Родина. 2015. № 2. С. 18.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 805. Л. 2 об.–3 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 259. С. 230.
- ²¹ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 21. Л. 21–21 об. «В Москве, – писал В. П. Мещерский Александру Александровичу 13 августа 1863 г., – весть о Муравьевской депутатии волнует умы, только об этом и говорят». По-видимому, Мещерский имел в виду именно депутатии из Царства Польского, явившуюся к Муравьеву 6 августа и просившую его о покровительстве, а не начавшуюся 27 июля подачу адресов о лояльности империи литовским дворянством польского происхождения, как указывается в комментариях к блестяще подготовленному изданию писем Мещерского (*Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011. С. 54, 632). Об этих письмах см. также : *Кочукова О. В.* «Россия под пером замечательного человека» : письма В. П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 20–27.
- ²² См.: *Шевырев А.* «Переселение в Польшу... было ложным, ошибочным шагом». Либеральная бюрократия и польское восстание 1863–1864 годов // Родина. 2014. № 4. С. 59.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
- ²⁴ «Готов собою жертвовать...». С. 108. Ср.: ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 65. Л. 24 об.
- ²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
- ²⁶ См.: *Айрапетов О. Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник : исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2013. Т. 15. С. 73.
- ²⁷ О переписке вел. кн. Николая и Александра Александровичей подробнее см.: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.
- ²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 54.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.
- ³⁰ См.: *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 24.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 70–70 об.
- ³² «Готов собою жертвовать...». С. 178.
- ³³ Проект рескрипта с собственноручными пометами Александра II сохранился в личном фонде Муравьева (ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 139).
- ³⁴ Подробнее см.: *Захарова Л. Г.* Александр II и польский вопрос // Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku. Łódź, 1996. S. 50.
- ³⁵ *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. С. 446. Александр Александрович не без влияния Мещерского поддерживал «русское дело» в Северо-Западном крае и, в частности, П. Н. Батюшкова, в архиве которого сохранилась записка цесаревича с назначением аудиенции в 1865 г. (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 11).
- ³⁶ *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. С. 470.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 79.
- ³⁸ Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина : в 3 т. М., 2004. Т. 1. С. 460, 464.
- ³⁹ Из бумаг графа М. Н. Муравьева // Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 265–266.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 62–63. См. также: *Астанков В. А.* Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 87.
- ⁴¹ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 369.
- ⁴² *Ананьев С. В.* Деятельность М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае, 1863–1865 гг. // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 94.

Образец для цитирования:

Мелентьев Ф. И. Старшие сыновья Александра II и М. Н. Муравьев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 301–307. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-301-307.

Cite this article as:

Melentev F. I. The elder sons of Alexander II and M.N. Muravyov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 301–307 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-301-307.